

Могут ли СМИ быть защитниками жертв?

Ролан Югнен-Бенжамен*

Ролан Югнен-Бенжамен – делегат МККК, в настоящее время является официальным представителем МККК в Лондоне

Краткое содержание

Можно утверждать, что феномен круглосуточного глобального освещения событий в мире создает для журналистов трудности, препятствующие им сохранять верность профессиональной этике. В то же время сотрудники гуманитарных организаций вынуждены защищать концепцию нейтральной независимой деятельности в вооруженных конфликтах, последствия которых ощущаются по всему миру. Многие из тех, кому приходится вести репортажи о все более усложняющихся чрезвычайных ситуациях в зонах войны, или из тех, кто пытается облегчить страдания жертв, часто сталкиваются с нравственными дилеммами. Рассматривая конфликты недавнего времени, автор статьи задает вопрос: есть ли методы, с помощью которых журналисты и работники гуманитарных организаций могут спасти человеческие жизни?

• • • • •

Пролог: неустойчивый треугольник

Было время, когда военные корреспонденты постоянно обращались за информацией к делегациям МККК на местах, так как делегаты и сотруд-

* Данная статья отражает исключительно взгляды автора, которые могут не совпадать с мнением МККК.

ники Красного Креста более тесно общались с местными жителями и потому лучше понимали динамику конфликтов. Это объяснялось тем, что сотрудники МККК дольше находятся в отдаленных районах, чем репортеры, в силу самого характера своей работы, совсем иной, нежели работа репортера.

Чтобы быть признанным в качестве нейтрального посредника, делегатам МККК необходимо построить сеть рабочих отношений со всеми сторонами. У этой «дипломатии на местах» три основные цели: напоминать воюющим группировкам о том, что существуют ограничения на ведение войны, предотвращать нарушения международного гуманитарного права, обеспечивать безопасность для доставки гуманитарной помощи там, где это необходимо.

Большинство репортеров согласны с этическими принципами, лежащими в основе этих высоких идеалов, однако на практике журналистика преследует совсем иные цели. Журналистика обслуживает общество, ее задача – выяснять факты и информировать публику. А выступать в защиту жертв или внушать уважение к международному гуманитарному праву как таковому в ее задачу не входит. В 1921 г. С. П. Скотт, редактор газеты «Гардиан», писал: «Основная функция газеты – собирать новости. Под страхом погубить свою душу она должна следить за тем, чтобы предлагаемые ею материалы не были подпорченными»¹.

Можно утверждать, что с тех пор, как глобальные СМИ начали круглосуточно освещать события в мире, стало труднее соблюдать требования профессиональной этики. То же самое в значительной мере может быть сказано и о способности МККК выступать в роли нейтрального посредника в конфликтах, последствия которых ощущаются по всему миру. Он старается сохранить доверие людей, которое делает его надежным источником информации для СМИ.

Цель настоящей статьи – рассмотреть несколько факторов, влияющих на отношения между тремя ключевыми действующими лицами: сторонами в конфликте, СМИ и МККК – хранителем Женевских конвенций. Если соединить линиями эти три точки, как они расположены сейчас, получившийся треугольник будет выглядеть совсем иначе, чем это было в постколониальное время. Хотя правила геометрии все те же, расположение точек, несомненно, изменилось.

У каждой из трех вершин треугольника своя система ценностей, но ни одна из них не может замкнуться в себе: политические интересы

1 Прочитировано Аланом Расбриджером в первом издании «Гардиан» в новом формате (*Guardian*, 9 сентября 2005 г.).

или идеология правительств, участвующих в вооруженных конфликтах, неизбежно связаны с общественным мнением, этический кодекс журналистики подлежит критической оценке общественности, а Женевские конвенции – достояние международного сообщества.

Освещая главную тему

Когда в 1967 г. Хантер С. Томпсон работал над книгой «Ангелы ада: странная и страшная хроника», он отмечал: «Разница между тем, как «ангелов ада» описывают в газетах, и каковы они на самом деле, столь велика, что заставляет задуматься – зачем вообще существует периодическая печать»². По сути, он ставил под сомнение способность традиционного репортажа, который сообщает «только факты», вести хронику огромных социокультурных перемен 1960-х гг. – войны во Вьетнаме, политических убийств, рок-н-ролла, наркотиков, движения хиппи и т. д. В 1960-е и 1970-е гг. появились новые методы репортажа и исследования проблем в американской печати, это было одной из крупнейших перемен в журналистике до наступления эпохи Интернета.

Обращение к такой теме, как молодежная банда рокеров – бунтовщиков и изгоев – в Калифорнии в 1960-е годы, было выходом за пределы традиционной журналистики. В интервью непосредственно с «ангелами ада» Томпсон поставил под вопрос многие мнения, принимавшиеся как аксиома правоохрнительными структурами того времени. Хотя это и было смелым шагом, он не идет ни в какое сравнение с тем вызовом, который представляют собой репортажи о повстанцах в Ираке.

Один генерал-полковник в отставке, хорошо осведомленный о партизанских боевых действиях в Багдаде и других городах Ирака, недавно признался журналу «Тайм»: «Мы хорошо умеем воевать против армий, но вот это мы делать не умеем, у нас не хватает разведаналитиков, работающих над этой проблемой»³. При таком плачевном положении неудивительно, что во время освещения иракских событий погибло больше журналистов, чем в любом другом когда-либо происходившем конфликте (72 человека с 2003 г., из них 37 иракцев). Иностранные репортеры в Багдаде вынуждены оставаться в своих тщательно охраняемых офисах, они осмеливаются выйти на улицу только замаскировавшись или под усиленной охраной, в то время как «ирак-

2 Marc Weingarten, *Who is Afraid of Tom Wolfe? How New Journalism Rewrote the World*, Aurum Press, 2005.

3 John Kleinwith, *Time magazine*, 26 September 2005.

кие журналисты лишены такой роскоши, как скоростные автомобили и телохранители, часто их дома и семьи находятся в ближайших окрестностях. Война в Ираке – сегодня самая важная тема в мире, иракские фотографы, операторы и репортеры все больше испытывают давление со стороны начальства, требующего – не говоря уже о том, что журналисты стремятся к этому сами, – «предоставить нечто такое, что становится все труднее предоставить»⁴.

Еще до войны в Персидском заливе 1991 г. стало очевидным, что МККК не сможет остаться в стороне от того, что происходит в индустрии СМИ, и что круглосуточное освещение крупнейших кризисов будет сказываться на том, как он строит свою работу. МККК потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к происходящим переменам, но в конечном итоге ему пришлось пересмотреть свою традиционную крайне сдержанную позицию в отношении СМИ. За два последние десятилетия МККК создал сеть сотрудников, ответственных за контакты с журналистами (делегатов по связям с общественностью, говоря языком МККК), и они активно подключились ко всем его операциям в мире.

После скандала, вызванного жестоким обращением американских солдат с заключенными в иракской тюрьме Абу-Грейб концепция конфиденциальности докладов МККК оказалась в центре критического внимания общественности. То, что раньше принималось как само собой разумеющееся, а именно: уникальный подход МККК служит интересам лишенных свободы, теперь было поставлено под сомнение. Хотя представители МККК мало что могли сказать, чтобы успокоить разъяренные толпы на месте событий, было необходимо обратиться к СМИ, чтобы призвать к ответу удерживающие заключенных власти и защитить важнейшие права содержащихся под стражей. Да, возможно, это было дипломатическим ходом, но в современном мире глобальных масс-медиа МККК не мог обойтись без него.

Рассказывая о забытых кризисах

На картах XIX столетия было немало белых пятен, обозначавших неизвестные территории, пока исследователи и авантюристы не установили флаги в самых отдаленных местах и не помогли заполнить эти пустоты. В эпоху глобальной коммуникации Интернет охватывает своей сетью континенты, а спутниковые передатчики могут нести информа-

4 Ghaith Abdul-Ahad, «How can you establish a free media in such fear and anarchy?», *The Guardian*, 26 September 2005.

цию потенциально в любую точку планеты. Однако в XXI веке на карте Африки остается множество белых пятен для международных СМИ, которые пытаются «осветить» более чем 50 стран из одного-двух офисов.

В связи с этим возникает вопрос ответственности как СМИ, так и представителей гуманитарных профессий. Кто обязан исследовать такие проблемы, как конфликты, эпидемии, голод, и привлекать внимание международного сообщества к бедствиям, которые только назревают, прежде чем они действительно начнутся в полную силу? Кто должен подавать сигнал тревоги и привлекать внимание к чрезвычайным ситуациям – гуманитарные организации или СМИ?

В августе 2005 г. Джон Берт, покидавший пост генерального директора Би-би-си, выступил с Мак-Таггартговской лекцией в Эдинбурге. По его мнению, «британское теле- и радиовещание, а также периодическая печать, так же как сам парламент, делают дело первостепенной важности – изо дня в день привлекают власть имущих к ответу за явные просчеты». Далее он сказал: «Наши СМИ хуже справляются с задачей, по меньшей мере такой же важной – заставлять правительства делать то, что нужно, выявлять глубинные причины наших проблем, многие из которых назревали десятилетиями, разрабатывать и осуществлять их долговременные решения»⁵.

То же самое можно сказать и о вопросах внешней политики, поскольку гуманитарные кризисы нередко остаются незамеченными, пока они не вспыхнут, приводя к губительным последствиям. Ярким тому примером может послужить конфликт, разразившийся в Дарфуре, а также голод в Нигере летом 2005 г. Можно вспомнить и многие другие ситуации, и гуманитарные организации, включая МККК, изобрели термин «забытые конфликты» для обозначения катастроф, ставших делом рук человеческих в отдаленных регионах планеты.

Может быть, в скором времени ситуация изменится с появлением гражданской журналистики и стремительно растущего числа блоггеров, которые предоставляют информацию из первых рук о жизни в некоторых зонах войны, где есть возможность войти в Интернет? Салам Пакс был феноменом во время вторжения в Ирак весной 2003 г., поскольку он стал голосом простых багдадцев. Значит ли это, что блоггеры способны влиять на политические программы правительств или что они могут внедрить какую-то тему в традиционные СМИ?

26 декабря 2004 г. на Би-би-си обрушилось более чем 50 тысяч текстовых сообщений от тех, кто пережил цунами в Юго-Восточной Азии. Представлялось невозможным отредактировать этот материал

5 *The Guardian*, 26 August 2005.

и немедленно использовать его. Это событие застало мир врасплох, и все, что могли сделать репортеры, – отправиться на место бедствия для освещения происшедшего. Традиционные СМИ быстро перехватили инициативу у частных лиц и показали, что новостная журналистика требует высокого профессионализма и не сводится к простому фотографированию события, свидетелем которого кто-то случайно стал.

После взрывов в центре Лондона 7 июля 2005 г. в Великобритании практически не было отмечено подъема гражданской журналистики – это обстоятельство, скорее всего, связано с тем, что британские СМИ весьма разнообразны и удовлетворяют почти все мыслимые потребности в информации, которые могут быть у общественности.

И совсем другое положение в Южной Корее, где начало гражданской журналистике как явлению было положено в 2000 г., когда разочарованный журналист О Ён Хо создал информационный сайт, получающий сегодня материалы от десятков тысяч людей. Этот сайт – Ohmynews – публикует сообщения по широкому кругу тем, включая ведение военных действий в Ираке. Корейский эксперимент не остался единственным в своем роде. Сегодня во всем мире существует множество сайтов, стремящихся преодолеть недостатки обычных блогов, в какой-то мере подвергая материалы профессиональному редактированию, прежде чем они будут помещены на сайте.

«Эти сайты изменяют природу новостей, – говорит Элизабет Ли, создавшая iTalkNews. – Традиционно происходило фильмирование сверху вниз. Мы хотим видеть новости, которые идут из народа, снизу вверх. Наш метод позволяет публиковать новости, гораздо более чутко отражающие то, что думают люди во всем мире, то, что их волнует»⁶.

По мнению профессора Мэри Кэлдор из Лондонского института экономики, «глобальное гражданское общество представляет собой пространство, населенное активистами (или постмарксистами), НПО и неолибералами, а также национальными и религиозными группами, где они обсуждают договоренности, от которых зависит ход событий в мире, выступают за или против них, ведут по ним переговоры или лоббируют их. (...) Появление этого феномена делает термин «международные отношения» значительно менее уместным»⁷.

На фоне стремительно меняющейся ситуации в мире традиционные СМИ остро сознают срочную необходимость пересмотреть

6 David Mattin, «We are changing the nature of news», *Media Guardian*, 15 August 2005.

7 Professor Mary Kaldor, «The idea of global civil society», Martin Wight Memorial Lecture, University of Essex, 31 October 2002.

свои функции и оправдать надежды своих таких непостоянных потребителей. Так, например, Руперт Мердок сказал в апреле 2005 г.: «Молодежь не хочет получать свежие новости из утренних газет. Они не желают, чтобы некто, словно божество, вещал им свыше, какие именно события надо считать важными»⁸. Даже сама гранд-дама мировых СМИ, уважаемая Би-би-си, после полученных ею сообщений от тех, кто пережил азиатское цунами 2004 г., планирует проводить обучение людей, занимающихся гражданской журналистикой.

Однако, несмотря на весь шум вокруг «новых СМИ», не следует забывать, что далеко не каждый имеет доступ к Интернету. Во многих локальных вооруженных конфликтах жертвы принадлежат к наиболее обездоленной части общества, живут в отдаленных районах, зачастую у них нет не то что компьютера, но даже и телефона.

И все же, возможно, техническая отсталость – не главная преграда на пути информации, поступающей от бедных слоев общества в Африке, Латинской Америке и Азии в глобальные сети СМИ. Редакторские ограничения в отделах новостей – вот настоящее испытание на прочность для журналиста, ставшего свидетелем чудовищных событий в такой точке земного шара, которая оказалась просто не включена в повестку дня его редактора. И хотя возмущение журналиста, ведущего репортаж с места, где совершаются злодеяния, может иногда иметь односторонний характер, задача редактора – вписать его в общую картину, а не отмахнуться от него. Увы, до сих пор, как это ни прискорбно, не устарел трюизм, рожденный в американских отделах новостей: «Один мертвый пожарный в Бруклине стоит пяти английских полисменов, которые стоят 50 арабов, а те стоят 500 африканцев».

Можно ли считать, что идеалисту-гуманитарию, который трудится в беспросветно унылом лагере беженцев, или делегату МККК, который пытается доставить медицинское оборудование в отделение неотложной помощи больницы, не справляющейся с потоком жертв бомбардировки, легче заставить услышать себя «в мире коммуникаций, где непрерывный поток новостей, движущийся с мгновенной скоростью, стал нормой жизни»?⁹

8 Maureen Dowd, «Smoke gets in our news», *New York Times*, 20 April 2005.

9 «This media tribe disfigures public life», address by the Archbishop of Canterbury, Rowan Williams, at Lambeth Palace, 15 June 2005.

Кризис в СМИ?

В лекции, с которой выступил в октябре 2004 г. в Мельбурне Дэвид Хэр, автор «Всякое бывает» – пьесы, посвященной дипломатическому процессу, приведшему к вторжению в Ирак, он утверждает:

«Все понимают, что телевидение и газеты лишили нас всяких иллюзий – решительно и, по-видимому, необратимо – своим банальным и пристрастным освещением взрывоопасных вопросов войны и мира. (...) И вряд ли здесь удастся обойтись извинениями, помещенными на первых страницах нескольких из наиболее величественных американских газет, с признаниями в излишней профессиональной доверчивости...»

Беспрецедентное количество нападений на представителей СМИ за последние несколько лет вызвало волну статей и комментариев в крупноформатных газетах, авторы которых анализируют внутренние проблемы журналистики. Это показывает, что судьба СМИ вызывает большую озабоченность как у журналистов, так и у общественности в целом. Ален Расбриджер, редактор «Гардиан», объясняет ее «конвергенцией презентационных приемов, ощущением того, что силы рынка все больше определяют содержание, и широко распространенным мнением о том, что газеты не выполняют своего долга правдиво отражать всю сложность некоторых наиболее важных вопросов»¹⁰.

Если это и кризис, он может быть обусловлен взаимным непониманием поколений не меньше, чем национальными интересами. Среди журналистов остаются люди, которые помнят то время, когда они думали, что смогут изменить мир, и искренне верили в независимость СМИ, – им чужда та новая среда, в которой живет современная журналистика. «Я перестал понимать, как мы работаем, – говорит Сеймур Херш. – Такое впечатление, будто все слова имеют теперь одинаковый вес»¹¹. Что же касается национального аспекта, появление глобальных сетей СМИ на всех наиболее распространенных языках мира привело к обособлению различных аудиторий, поскольку сегодня каждый может пользоваться источником новостей, представляющим ту культуру, которую он считает своей, будь то Аль-Джазира, Фокс Ньюс или какой бы ты ни было промежуточный вариант. Крупнейшие медийные конгломераты не обязательно приобретают политическую выгоду с каждого освещаемого вопроса в мире, но они руководствуются коммерческими соображениями и больше стремятся к созданию среды, благоприятной для корпорации, чем к тому, чтобы бросить вызов пра-

10 «Это не оскорбления, это контроль общественности», – комментировал Ален Расбриджер в «Медиа гардиан» 14 марта 2005 г.

11 Seymour Hersh, «Scoop», *Times Literary Supplement*, 9 October 2004.

вительственной политике по вопросам справедливости и выживания в развивающихся странах.

Государственным службам теле- и радиовещания там, где они существуют, становится все труднее поддерживать свои стандарты в противостоянии корпоративным интересам глобальных сетей. Хелен Боуден, директор Би-би-си ньюс, сказала недавно, что четко представляет себе, чего она ждет от новостей Би-би-си, особенно от ее круглосуточной службы новостей: «Думаю, Ньюс-24 должны быть первыми, правильными и надежными. Круглосуточные службы новостей подстерегает опасность превратиться в непрерывный источник слухов и домыслов, и мы совсем не хотим, чтобы такая судьба постигла Ньюс-24¹².

Когда возникает необходимость освещать какой-либо конфликт, находящийся в центре всеобщего внимания, система круглосуточных новостей немедленно сталкивается с проблемой: она вынуждена работать в бешеном ритме «самых свежих новостей», который она сама же себе и навязала, чтобы не отстать от конкурентов. Она делает это, рискуя представить происходящие события в искаженном свете. Наступление в Ираке в 2003 г. стало ярчайшим примером лихорадочной активности СМИ всего мира. Я был тогда официальным представителем МККК в Багдаде и помню, как дикторы новостных передач действительно спрашивали меня: «Что из увиденного вами за последние несколько часов было самым ужасным?»

Проблема, которую представляет коммуникация такого рода, заключается в том, что она работает со звуковыми фрагментами. Это порождает стереотипный язык и создает опасность искаженного отображения реальности, поскольку все сказанное, по всей вероятности, превратится в звуковой фрагмент. Важно каждое слово, и это обрекает на неудачу любые попытки разъяснить контекст событий и попытаться понять их по мере того, как они происходят.

МККК хранит молчание?

«Verba volant, scripta manent», – так думали древние римляне. Слова улетают, если они сказаны, но остаются, если их записать. В современной медийной среде дело, скорее, обстоит так, что и сказанное, и написанное слово могут улететь и причинить такой организации, как МККК, серьезные неприятности, и она постоянно старается не допустить этого.

Гордиев узел миссии МККК порожден его двойным мандатом согласно Женевским конвенциям. С одной стороны, МККК должен доби-

12 Matt Wells, «Have I got news for you», *Media Guardian*, 12 September 2005.

ваться соблюдения норм международного гуманитарного права, с другой же стороны, он обязан защищать военнопленных и других лиц, которым это право предоставляет защиту. Поэтому в большинстве случаев он вынужден ограничиваться конфиденциальными представлениями стороне в вооруженном конфликте, которая не соблюдает МГП, и уклоняться от ответа на вопросы журналистов.

Недавний внутренний циркуляр с инструкциями о том, как вести себя с журналистами, изданный одной из делегаций МККК, служит иллюстрацией этой позиции, придерживаться которой почти невозможно. В нем подчеркивается: хотя широкое освещение международными СМИ операции МККК в стране X является желательным, сам процесс этого освещения может быть нежелательным. Это особенно актуально тогда, когда присутствие сопровождающих журналистских групп противоречит тому образу, который МККК стремится создать о себе в стране, поскольку этот образ имеет чрезвычайно важное значение для соблюдения оперативных требований приемлемости, доступа и безопасности.

Делегаты МККК выезжают на определенный срок в регионы, охваченные войной, и занимаются доставкой гуманитарной помощи. В то же время они ходатайствуют перед воюющими сторонами в надежде смягчить чрезмерные страдания людей, которые пользуются защитой Женевских конвенций, а именно военнопленных и гражданских лиц, не принимающих участия в военных действиях. Отличительными чертами МККК всегда были нейтральность и беспристрастность, но эти понятия могут по-разному истолковываться сторонами в конфликте. Во многих случаях они мирятся с присутствием делегатов МККК на местах и особенно в местах содержания под стражей только при том условии, что МККК никогда не будет публиковать выявленные им факты и не будет выступать с комментариями о ведении военных действий.

Конфликт в бывшей Югославии со всеми его зверствами, совершенными с 1992 по 1995 г. в Боснии, и особенно массовое убийство в Сребренице, заставил обратить внимание на параметры международного гуманитарного права. То обстоятельство, что воюющие стороны сознательно пренебрегали конкретными положениями Женевских конвенций, привело к неожиданным последствиям: репортеры сочли необходимым сообщать о нарушениях международного гуманитарного права. Самым красноречивым призывом к соблюдению III Женевской конвенции стали страшные снимки голодающих военнопленных, появившиеся на первых страницах газет и журналов во всем мире.

Было очевидно, что МККК не справляется со своей задачей защитить военнопленных.

Общая дилемма

Здесь МККК и СМИ сталкиваются с одной и той же нелегкой задачей, хотя и с разных сторон: они вынуждены исследовать пределы своего методологического подхода. Для МККК это заключается в том, чтобы взвесить – обычно это приходится делать заново по каждому конкретному случаю – все «за» и «против» прежде, чем выступить с публичным заявлением. Есть ли основания полагать, что участь какой-либо категории людей заметно улучшится – иногда речь идет о спасении жизни, – если МККК выступит с официальным заявлением или с воззванием, которое появится в СМИ? Будет ли этот шаг неизбежно означать прекращение присутствия и деятельности МККК на территории, контролируемой стороной, чьи действия подверглись осуждению?

Для СМИ здесь возникает необходимость определить, должны ли журналисты, ведя репортажи о вооруженных конфликтах, указывать на нарушения международного гуманитарного права, и если да, то как это делать? Должны ли журналисты освещать факты, связанные с совершением незаконного акта войны, так же, как они это делают в случае обыкновенного уголовного расследования? Или же их роль заключается в том, чтобы активно участвовать в борьбе за уважение принципов международного права, разоблачать его нарушения, выступать в защиту жертв и способствовать установлению и сохранению мира? Переход от одной позиции к другой может быть постепенным, однако доведенный до логического завершения он превратит журналистов в активистов и борцов.

Гражданская журналистика со времени окончания «холодной войны» была понятием спорным, учитывая, что исторически это был вид журналистики, использовавшийся по обе стороны железного занавеса в диаметрально противоположных политических целях. Советские официальные лица с его помощью оправдывали свой контроль над прессой, в то время как радиостанции, действовавшие при поддержке США, использовали его для того, чтобы обращаться к слушателям в других странах и осуществлять пропаганду либерализма в восточном блоке.

Подготовка к военной кампании для свержения иракского режима – более свежий пример опасностей пристрастного освещения в СМИ. Независимые телекомпании, такие как Фокс Ньюс, заняли позицию решительной поддержки войны, в то время как Аль-Джазира без

каких-либо сомнений предоставляла возможность выступать министру информации Ирака вплоть до последних нескольких часов перед падением Багдада.

Это явно не соответствовало профессиональному кодексу поведения, согласно которому «решения принимаются только по разумным редакционным соображениям, а не в результате недолжного давления, обусловленного политическими или коммерческими причинами, либо особыми интересами»¹³. Некоторые СМИ могли поддаться искушению удовлетворить шовинистические ожидания своей аудитории, но для других война в Ираке стала лакмусовой бумажкой, показавшей независимость их редакционной политики. Би-би-си пришлось пережить несколько следственных комиссий, чтобы сохранить верность своим принципам.

Будучи нейтральной организацией, МККК не может высказываться по вопросу о причинах войн между государствами или какими-либо группировками. Он не может давать оценки правильности одной политической позиции по сравнению с другой, но он напоминает правительствам и их вооруженным силам о том, что они обязаны принимать и соблюдать такие правила применения силы, которые соответствовали бы положениям международного гуманитарного права. Перед началом военных действий в Ираке в марте 2003 г. МККК сделал представления правительствам стран коалиции и Ирака. Это было публичным выступлением: газеты «Файненшел таймс» и «Монд» согласились напечатать редакционную статью, автором которой был генеральный директор МККК.

Пока все хорошо. Существует сходство между нейтралитетом МККК и журналистской честностью и независимостью СМИ. Что касается идеалов, то и пресса, и гуманитарные организации вольны решать для себя, какую роль они будут играть в качестве независимых представителей. Однако испытание реальностью наступает тогда, когда они оказываются перед лицом моральной дилеммы, пытаясь действовать профессионально во все более сложных чрезвычайных ситуациях в зонах войны.

Военным репортерам может иногда казаться, что делегаты МККК на местах ведут себя чересчур скрытно, но ветераны военной журналистики, как правило, высоко ценят поразительную надежность МККК как источника информации. В отношениях между такой независимой гуманитарной организацией, как МККК, и независимыми СМИ не должно быть места попыткам одной стороны использовать другую в своих ин-

¹³ BBC Producers' Guidelines, p. 7.

тересах. Напротив, если перед обеими встают одни и те же проблемы, обязательно должны быть способы их совместного решения.

МККК потребовалось некоторое время, чтобы в 1960–1970 гг. избавиться от свойственной этой организации подозрительности в отношении СМИ. Сейчас МККК прекрасно понимает, как велики их возможности влиять на общественное мнение и в конечном счете на решения, принимаемые стратегами и политиками во время вооруженных конфликтов. Освещение в СМИ минометного обстрела рынка в Сараево в 1994 г. способствовало принятию ультиматума НАТО о прекращении бомбардировок города. Корреспондент Би-би-си Мартин Белл говорил о журналистике «сопричастности» и о том, что «журналисты были втянуты в эту войну не как ее свидетели и летописцы. Мы были также участниками»¹⁴.

Таким образом, журналисты могут внести свой вклад в гуманитарную деятельность, правильно освещая военные действия, то есть заявляя об ответственности сторон в конфликте согласно конкретным положениям Женевских конвенций. Чтобы делать это, им не нужно отказываться от объективности и честности. Требуется просто понимать значение сообщаемых ими фактов с точки зрения международного гуманитарного права. Не один журналист научился этому, читая Женевские конвенции долгими ночами в бомбоубежищах Сараево.

Прошло десять лет, мир изменился, и новая декларация ООН об ответственности за защиту открывает новые перспективы. Уже 191 государство согласилось выступить в защиту международного права, заявив, что международное сообщество имеет право на вооруженное вмешательство, «когда власти какого-либо государства очевидно не принимают мер для защиты своего населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности». Это не заставит нас забыть о Боснии и Руанде, но это – попытка предотвратить подобные злодеяния в будущем.

Представление и восприятие

«В тылу люди больше всего хотят видеть и слышать мифологизированное описание войны. Реальность войны настолько отвратительна и страшна, что если бы мы увидели войну, нам было бы трудно ее вести»¹⁵.

14 Mark Thompson, *Forging War: The Media in Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina*, Article 19, The Bath Press, Avon, 1994.

15 Chris Hedges, «On war», *New York Review of Books*, 16 December 2004.

Амбивалентный характер этой гипотезы резюмирует сложное отношение СМИ и публики к тому, как СМИ отражают войну. Сейчас, когда так называемые «реалити-шоу» заполнили телевизионные программы повсюду в мире, очень много спорят о том, насколько допустимо показывать по телевизору что-то такое, что может оскорбить чувства зрителей.

По случаю 60-летней годовщины ядерной бомбардировки Хиросимы Би-би-си показала «сильный, волнующий и драматичный полуторачасовой документальный фильм» о том, что там произошло на самом деле, с рассказами очевидцев, документальными кадрами, компьютерной графикой и реконструкциями, полностью воспроизводящими действительность. Фильм подробно рассказывает об этой страшной трагедии: о науке, политике, о том, как была сброшена бомба, о взрыве, о пожарах, о последствиях случившегося¹⁶. Удаленность события во времени позволяет зрителю рассматривать этот фильм просто как документальный и принимать его как таковой: сам по себе феномен, каким бы ужасающим он ни был, уже в прошлом. Фильм информативный, и кому-то из тех, к кому он имеет непосредственное отношение, он даже может помочь закрыть эту главу своей жизни, хотя для большинства это уже слишком поздно.

Жестокие кадры обезглавливания заложников в Ираке произвели противоположный эффект. Так, Евроньюс показала эту страшную сцену только один раз и немедленно исключила ее из своих сводок новостей, когда стало ясно, что она вызывает отвращение у большинства зрителей. В течение нескольких недель шли дискуссии о природе табу, которое делает показ таких кадров недопустимым – не касаясь при этом их политической эксплуатации (Аль-Джазира продолжала использовать их еще некоторое время).

Когда четвертый канал британского телевидения обратился к проблеме дурного обращения с заключенными в Гуантанамо, было решено использовать новаторский метод: пригласили добровольцев, согласившихся провести некоторое время в условиях одиночного заключения, жестких допросов и других приемов, которые, как сообщается, используются там. В этом смысле фильм не был просто игровым – он оказался настолько реалистичным, насколько это возможно, учитывая, что добровольцы могли прекратить участие в нем, если они чувствовали, что больше не выдерживают. Помимо эмоционального накала (добровольцы всерьез умоляли пощадить их), показ таких сцен поднял ряд

16 Dart Centre for Journalism and Trauma (последнее посещение сайта 2 сентября 2005 г.).

вопросов о том, насколько болезненно публика на них реагирует, и о склонности современных СМИ эксплуатировать эту реакцию.

Такая программа, возможно, в большей степени настроила бы общественное мнение против попыток, чем официальные коммюнике МККК или других правозащитных организаций. Однако этот прагматически-утилитарный довод не означает обязательно, что такие программы морально безупречны.

Приведут ли такие программы в конечном счете к тому, что проблемы насилия, разрушения и грубых нарушений фундаментальных прав в ситуациях конфликта станут меньше волновать публику – пока неясно. «Yahoo, впервые организовав показ оригинальных видеопрограмм онлайн, делает ставку на то, что война и конфликт привлекут новых зрителей. Он берет на работу Кевина Сайтса, ветерана тележурналистики, который должен сделать мультимедийный сайт, информирующий о войнах во всем мире. Господин Сайтс выразил надежду на то, что пользователи Yahoo понимают: его сайт будет отличаться от массы блогов и других Интернет-сайтов. «Мы – журналисты, – говорит он, – и стараемся работать со всей ответственностью, а в Интернете не всегда бывает так»¹⁷.

Как уже говорилось выше, Женевские конвенции принадлежат международному сообществу. Ни МККК, ни журналисты не пользуются монополией на их истолкование, но и он, и они должны способствовать тому, чтобы те, кто непосредственно обязан соблюдать МГП, делали это.

МККК имеет мандат на то, чтобы действовать в качестве нейтрального посредника между сторонами вооруженных конфликтов и в интересах лиц, пользующихся защитой Женевских конвенций. «Выполняя свою традиционную функцию «сторожевого пса», СМИ обязаны сообщать о пренебрежении правовыми нормами, особенно когда это – отношение правительства или какого-либо института, существующего на деньги налогоплательщиков»¹⁸.

Вероятно, в предстоящие годы МККК будет нелегко действовать в духе активного нейтралитета, а СМИ – сохранять журналистскую честность, но ни МККК, ни военные репортеры не могут позволить себе игнорировать необходимость этого.

17 Saul Hansell, «Yahoo hires journalist to report on wars», *New York Times*, 12 September 2005.

18 Roy W. Gutman, «Spotlight on violations of international humanitarian law», *International Review of the Red Cross*, No. 325, December 1998, p. 619.